

«Тихий дом» и «Аргументы и факты» в Большом театре

АиФ - 1997 - март (№ 12) - с. 12

Не так давно главный редактор «АиФ» Владислав СТАРКОВ был приглашен - в качестве рядового зрителя и знатока балетного искусства - в «Тихий дом» Сергея ШОЛОХОВА, который в этот раз записывался в Большом театре у Владимира ВАСИЛЬЕВА. 27 марта, в Международный день театра, на канале ОРТ в 23.30 в эфир выйдет телевизионная версия этой встречи. Мы же представляем вам свою - газетную.

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ

С. Ш. Владимир Викторович, художник вашего ранга всегда имеет какое-то отношение к власти. Как вы считаете, наиболее удобная позиция для художника - дружить с властью, держать ее на некоторой дистанции или враждовать с нею?.. Это одновременно вопрос и к вам, Владислав Андреевич: театр выигрывает от дружбы с властью или проигрывает?..

В. В. Это самый больной вопрос - художник и власть. Он, по-моему, никогда не решится. Истинный художник по отношению к власти всегда будет в оппозиции. Потому что любая власть - в конечном итоге - разрушительна, а искусство - созидательно. И они все равно рано или поздно придут к столкновению... Что значит - «держат власть на расстоянии»?.. Это значит, ты сам в один прекрасный момент окажешься далеко от власти. А что значит «дружить» с властью?.. Дружба не зависит от положения. Неужели так: сегодня Старков - главный редактор, и, значит, я буду с ним дружить, а завтра он не будет главным, и я скажу: «Давайте расстанемся»?..

В. С. Раньше уровень власти определялся наличием в кабинете начальника телефона правительственной связи, так называемой «вертушки». На днях мне звонят из Совета Федерации и спрашивают: «Почему у вас нет «вертушки»?» Я говорю: «Вы хорошо меня слышите?» - «Хорошо». - «И я вас, - говорю, - хорошо. Зачем нам «вертушки»?.. Никаких тайн в газете нет. Любкой секрет, который мы узнаем, мы тут же выбалтываем... Не люблю я «вертушки». Кстати, президент одной большой телефонной компании мне как-то рассказал, что телефон когда-то устанавливался в домах с единственной целью: для объявления войны. И действительно, по телефону мне часто объявляли войну за то или иное наше прегрешение. С тех пор у меня такое отношение к этому: раз звонок - значит, ничего хорошего не жди...»

В. В. Именно по «вертушкам» узнавалась судьба того или иного спектакля, исполнителя, выдвижения или, наоборот, - низвержения... Сейчас все это уже анахронизм. Все равно к «вертушке» сам хозяин уже не подходит...

В. С. Но когда-то власть, как теперь говорят, «раскручивала» искусство. Помните, когда им нравился балет или опера Большого, то фрагменты этого спектакля постоянно звучали по радио. Может быть, это было и плохо - по 10 раз в день слушать «Соловья» Алябьева, но зато в конце концов мы знаем этого «Соловья» в исполнении Барсовой, знаем любимую Сталиным оперу «Риголетто», знаем Уланову... Так что какая-то польза от власти, конечно, была...

С. Ш. Я знаю, Иосиф Виссарионович любил наведываться в Большой по какому-то специальному подzemелью. А Виктор Степанович пользуется этим коридором?

В. В. Легенды, легенды... Никогда Сталин не пользовался никаким подземным коридором. Его просто нет. Есть, действительно, зона, куда ходил не только Иосиф Виссарионович, но и члены Политбюро. Эта зона находится совершенно отдельно, напротив директорской ложи. Но сейчас люди, находящиеся у руля, очень редко посещают наш театр. Им не до того: слишком много проблем.

С. Ш. Проблемы были и у царя-батюшки, и у членов Политбюро... Тем не менее многие пытались слабостью к артистам. А сейчас у директора какого-нибудь банка, например, есть возлюбленная в Большом? И получает ли она в связи с этим ведущие роли?

В. В. Может быть, и есть, но это не сказывается на работе. С самого начала я сказал: «Даже если Борис Николаевич позвонит и попросит сделать что-либо, противоположное моим убеждениям, я ему откажу». Лучше уйти. Я лгать в своей работе не могу.

ВЛАСТЬ ХУДОЖНИКА

С. Ш. Владимир Викторович, в вашем кабинете, в котором мы сейчас находимся, творилась вся история Большого. Что ощущаете вы, нынешний директор театра, сидя в этом кресле?

В. В. В эту комнату, комнату «Синей бороды», раньше только для разнosa и приглашали. Первым моим желанием было покончить с тем страхом, который испытывал каждый вызванный сюда сотрудник Большого. Мне хотелось, чтобы все тут чувствовали себя как дома. Но этот кабинет и сегодня у многих вызывает трепет. Для меня было внове, когда в эту дверь - робко! - входили люди, которые давным-давно меня знали, даже мои близкие друзья... Забавно и как-то... очень неприятно, но я видел, что что-то изменилось, мы стояли уже как бы на разных ступеньках.

В. С. Я всегда чувствую гнет этих стен. Как ни назовите - императорский, царский, президентский - но это Первый Театр Страны. Такого его предназначения, миссия, роль... Когда-то, совсем молодым журналистом, я брал интервью

у солиста Бориса Акимова и оказался впервые внутри Большого. Мало кто знает, что за сценой тут целый город: множество репетиционных залов, гримборные... На 5-м или 6-м этаже провожатые мои меня бросили, и я случайно оказался на сцене. Я попал на сцену Большого театра!.. Она оказалась такой громадной!.. Я посмотрел в зияющий пустотой зал и подумал о том, как должен чувствовать себя человек, который выходит на эту сцену, чтобы делать свое дело, как он старается заинтересовать, увлечь этот зал, где сидят две с половиной тысячи чело-

му что критерий один - качество. Если человек не отвечает этому требованию, он должен уйти. Мне хочется доказать это на собственном опыте. Я с самого начала определил для себя два срока на этом посту: три года и еще три. Хочу дать возможность другим людям, которые сядут в это кресло после меня, исправить мои ошибки. И я тешу себя надеждой, что так и будет.

ХУДОЖНИК И ДРУГИЕ

С. Ш. Владимир Викторович, почему вы так не любите Елену Образцову?

В. В. Кто вам это сказал?! Я всегда любил Лену, она была замечательной певицей. Я говорю «была», потому что в последнее время она мало поет. И поет не лучше, чем раньше. Если это называть «моей нелюбовью...» Но я прекрасно понимаю, какое влияние она оказала не только на наш театр, а вообще на мировое музыкальное искусство. Только сумасшедший может это отрицать.

С. Ш. Считаете ли вы, как и пушкинский Моцарт, что в искусстве гений и злодейство несовместны? Вот Майя Михайловна Плисецкая сказала: «Безусловно, совместны. И балет - лучшее тому подтверждение».

В. В. Майя Михайловна всегда была категорична в своих выступлениях. Недавно я смотрел вечер с ее участием, и мне понравилось, что она несколько поменяла свой имидж и приблизилась, очевидно, к своей сути. Она была очень естественной, искренней и доброй... Абстрактно я могу предположить, что гений и злодейство способны состыковаться и родить гениальное зло, которое будет граничить с безумием. Но - только абстрактно. На самом деле я согласен с Пушкиным.

В. С. Тут важно понять, что злодейство невыгодно. Никому - в том числе и самому злодею. Невыгодно делать гадости - зло возвращается, как бумеранг, и в конце концов отрубает тебе голову. Невыгодно, например, быть жадным - скупой, как известно, платит дважды и в итоге может оказаться нищим. Но как заставить себя быть добрым? Как заставить себя не быть злодеем? Нужно убеждать себя в том, что добром можно многого добиться.

С. Ш. Я бы хотел, чтобы вы оба ответили на вопрос: красота спасет мир или его погубит? Ведь дьявол соблазняет именно красотой и благоденствием.

В. В. Мне эта формула безумно нравится своей невыполнимостью.

В. С. Эта лапидарная формула - отмычка от всех дверей. Мне она не нравится, она какая-то рекламная и лживая. Что такое красота и что такое мир? Это же такие многозначные понятия... Раньше считали, что картины Кандинского, Шагал - это не красота. Но Шагал расписал плафон в «Гранд-опера», и к тому, что

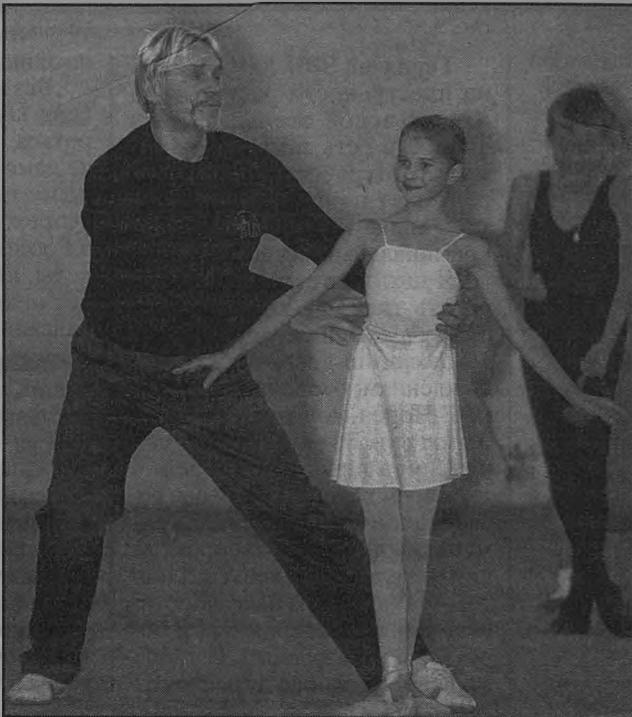

Фото Александра Косинца

лет - лучшее тому подтверждение».

В. В. Украшает человека, придает ему дополнительный вес...

В. В. Украшает поначалу, а потом любое кресло разрушает. Я это еще не ощутил, но, если подольше посижу, может быть, и сам не увижу тот порожек, через который перейду... Я всегда говорил, что деятельность настоящего художника и руководство - несовместны, как художник и власть. Там выступил, там что-то подписал, стал беспрерывно мелькать на экране и погрузился в суету сует. В то состояние, которое в принципе противно художнику... На моей памяти только отдельные неумные личности умудрялись постоянно присутствовать и на экране, и на радио, и на страницах газет - и при этом успевали творить. Художник-творец занят собой, а руководитель занят всеми. Я думаю, моя задача простая: раствориться в каждом из этих почти трех тысяч людей.

В. С. Эмоциональным быть нельзя, трепетным быть нельзя, влюбленным быть нельзя - сплошные табу... Я помню, как вы рассказывали мне, что одна из артисток балета пригрозила покончить с собой, если вы отстраните ее от репертуара. Я начал примерять эту ситуацию на себя. Не уверен, но, возможно, ради искусства я пошел бы на крайние меры. Как ни страшно это произнести. Потом многим гостям в нашей редакции я задавал этот вопрос: «Стратегия искусства и судьба отдельного человека: как их соотносить?»

В. В. Истинное искусство обязано быть жестоким, пото-

считалось безобразием, теперь привыкли. Красота - понятие абсолютно текучее. Кто-то восхищается красотой Венеры, кого-то приводит в восторг Клаудиа Шиффер... В этом году я был в Париже в театре Сары Бернар и сначала не мог понять, почему такие дорогие билеты так быстро расходятся. Оказывается, люди покупают билеты в первые ряды, чтобы посмотреть на гениталии. Там на сцене все раздеваются, неэстетично посыпают друг друга каким-то тальком... Думаю: ну вот и гибель балета пришла. А может, мы вообще живем в небалетное время?..

В. В. Должна быть загадка красоты. Если мы просто обнажаем тело - загадки уже нет. Но есть замечательный спектакль «О, Калькутта!» - тоже с голыми исполнителями. Но это было сделано с юмором, в этом был смысл, и мне это было интересно. Что касается небалетного времени, то мне очень хочется, чтобы наша молодежь смотрела классику. Я хочу, чтобы молодые люди ходили на «Травиату», на «Лебединое...»

В. С. И при этом всегда слышится, что Большой - это государственный, чуть ли не императорский театр. Тут, мол, вольности не положены... А в Швеции в Королевском (!) театре - старинный роскошный интерьер, золоченые амуры - показывают три одноактных спектакля. Темы: экология, положение женщин в современном мире... Проблема абортон на сцене Королевского театра!.. Не боятся они этого. А мы - мы не превратим ли свое искусство в музей? Примеры такие были. Я сам видел, как великий Яншин на сцене МХАТа кричал школьникам в зал: «Вы прекратите шуметь или нет?! Я же Чехова играю!..»

В. В. Так бывает сплошь и рядом: театры становятся музеями. Но так не должно быть. Я этого не хочу, и поэтому я здесь. Меня поражает, когда говорят, что на сцене Большого ничего не происходит. Здесь публика видела Форсайта, Бержара. То же самое касается и оперы. Сейчас по заказу театра пишется современная опера «Капитанская дочка»... Но все равно шумят: в Большом ничего не происходит!..

В. С. По-моему, просто нужно жить, даже иногда и хулиганить, придумывать новое... Искусство немислимо без этого.